

Элла Золина

Кот, который знал её имя

<https://litres.ru/74136784>

SelfPub; 2026

Аннотация

Арина сбежала из Москвы после пятнадцати лет офисной гонки и выгорания. Зброшенный дом с синей дверью, море, тишина - идеальное место, чтобы восстановить душевное равновесие.

Она хотела только одного: печь пироги. Но рыжий кот, появившийся из ниоткуда, не даст ей спрятаться. Он ведёт её к жестяной коробке под половицей. Там - портрет художницы Лины, исчезнувшей сто лет назад, и два пустых конверта с мужскими именами.

Арина хочет раскрыть эту тайну. Ей кажется, что, исправив чужое прошлое, она исцелит своё.

Содержание

Глава 1. Женщина, которая закончилась	4
Глава 2. Дом с видом на невозможное	18
Глава 3. Кот, который знал имя	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Элла Золина

Кот, который знал её имя

Глава 1. Женщина, которая закончилась

У меня есть старая медная турка – с вмятиной на боку. Это след того случая, когда я как-то раз решила бросить вызов гравитации и доказать, что она тут не главная. Гравитация, понятное дело, взяла верх, но турка всё равно осталась со мной – прямо как все по-настоящему ценные вещи: со шрамом.

Кофе в ней поднимается неторопливо, по-утреннему лениво. Я ловлю тот миг, когда пенка чуть дышит, но ещё не спешит перелиться через край. За окном – дождь. Не ливень, который обрушивается всей мощью, а такой, что просто висит в воздухе, будто человек зашёл в комнату и забыл, зачем. Он уже третью неделю навис над Москвой, превращая город в акварельный набросок: контуры зданий расплылись, краски выцвели до серо-бурых тонов, словно кто-то долго тёр их ластиком, стараясь убрать всё лишнее.

Наливаю себе кофе, делаю глоток и морщусь: слишком

сладко. Опять забыла, что вчера решила пить без сахара. Вот ведь вчерашняя я – неисправимая оптимистка. Смотрю на каплю на подоконнике: она ползёт не вниз, как положено, а чуть наискосок – буквально на полмиллиметра в сторону. Тихо, без вызова, просто мимо законов физики.

Можно, конечно, занервничать. Достать с полки книгу, которую давно не открывала, проверить, не сдвинулось ли что-то в мироздании. Может, это я спросонья слегка наклонила пространство, когда тянулась за чашкой? Но... нет. Не сегодня.

Пусть течёт, куда ей вздумается. Мир иногда чуть-чуть кренится, может, даже в мою сторону. Делаю ещё глоток. Капля на подоконнике упрямо ползёт вопреки всем правилам, и, кажется, я ей тихо завидую.

В прихожей моей съёмной квартиры висит зеркало – большое, во всю стену, и до безжалостности честное. Оно не льстит, не скрывает тени под глазами, не добавляет блеска волосам. Просто отражает факты. И сегодня утром эти факты выглядели неутешительно.

Я стояла перед ним, кутаясь в любимый кашемировый шарф – свою мягкую броню, – и разглядывала женщину тридцати семи лет. Возраст, когда социальные часы тикают громче будильника, но я давно научилась вынимать из них батарейки. Лицо уставшее, но живое. Под глазами – тени, которые не замажешь корректором. Мой фирменный стиль: выглядеть так, будто я только что защитила диссертацию по

квантовой механике и с тех пор сплю урывками третий год подряд. Нос с лёгкой горбинкой, губы суховатые – вечно забываю про бальзам. У висков пробиваются первые седые волосы – я их не крашу. Решила: буду как соль в карамели – неожиданно и пикантно.

Русые волосы до лопаток собраны в низкий пучок – чтобы не лезли в лицо, если вдруг решусь умыться. Фигура обычная: не модель, не пышка – просто тело, которое пятнадцать лет просидело в офисе.

Пятнадцать лет. Целых пятнадцать лет я работала антикризисным пиарщиком. Моя задача была – тушить пожары в чужих домах. Я вычищала репутации корпораций, убеждала людей, что чёрное – это просто очень тёмный оттенок серого, а хаос можно привести в порядок с помощью таблицы Excel. И я была хороша в этом. Очень хороша. Умела говорить так, что люди верили, даже если слова были пусты, как орехи в ноябре. Умела улыбаться так, что клиенты чувствовали себя в безопасности – даже когда их компания шла ко дну быстрее «Титаника».

Но внутри у меня самой никакой таблицы не было. Там был только гул.

Три года назад рухнули мои личные отношения. Бывший муж, Глеб, – человек аккуратный и предсказуемый – ушёл к женщине «более стабильной»: той, у которой нет творческих завихрений, которая не хохочет слишком громко за ужином и не читает по ночам книги. Я не стала устраивать скандал.

Вместо этого составила внутренний список своих недостатков: «слишком эмоциональна», «непредсказуема», «требую слишком много внимания». Список вышел длинным и логичным. И я ему поверила.

После расставания три года пыталась «вернуть себя» через работу. Бралась за проекты, от которых отказывались другие, работала по шестнадцать часов, подпитывалась кофе и ощущением собственной нужности. Но однажды утром, стоя перед этим самым зеркалом, я вдруг поняла – я не выгорела. Выгорание подразумевает, что внутри ещё тлеют угли, есть искра – её можно раздуть, если правильно подуть, добавить кислорода, подкинуть сухих веток.

А у меня просто кончилось всё. Как у батарейки, уровень заряда которой никто не проверял, пока устройство не перестало включаться. Нажимаешь на кнопку – и тишина. Ни света, ни звука. Только тишина, которая оказалась громче любого крика.

Ставлю чашку на подоконник. Кофе остывает, становится горьким и вязким, как смола.

– Отлично, – говорю вслух. Голос звучит хрипло, непривычно. В этой квартире я редко разговариваю: разговоры требуют энергии, а энергии у меня нет. – Полный набор для героини плохого романа.

Кот, которого у меня нет, наверняка мяукнул бы в ответ или хотя бы посмотрел с укоризной. Но кота нет. Есть только квартира, набитая вещами, которые я покупала, чтобы ка-

заться успешной, и пустота, растущая быстрее, чем плесень в сыром углу ванной.

Вспоминаю Глеба – не целиком, а один момент. Мы сидели в ресторане, он морщил нос, когда я громко смеялась над его шуткой. И после этого я стала смеяться тише. Уменьшала себя, чтобы поместиться в его комфорт. Стирала свои острые углы, чтобы не царапать его спокойствие. Когда он ушёл, я не удивилась. Подумала: «Ну, конечно. Кто захочет жить с женщиной, которая смеётся слишком громко? Которая читает книги по ночам? Которая требует внимания, как растение требует света?»

Я составила список. Длинный, подробный, логичный. Повесила его в голове, как расписание поездов, и каждый день сверялась: «Да, я слишком эмоциональна. Да, я непредсказуема. Да, я сложная».

И вот теперь, стоя перед зеркалом, я понимаю: этот список – не диагноз. Это приговор, который я вынесла сама себе. И исполнила его с педантичностью бухгалтера.

Спасением оказался случай. Два года назад я была в командировке в маленьком приморском городке и случайно увидела объявление о продаже старого дома. Он был двухэтажным, с синей дверью, палисадником, заросшим сиренью, и верандой, которая, казалось, вот-вот рухнет, но всё равно держалась, будто из принципа. Фотография вышла смазанной, а описание было предельно кратким: «Дом требует ремонта. Вид на море. Тишина».

Я сохранила номер риелтора – как цифровой талисман. Мысленно добавила к нему оговорку: «Если всё рухнет – я уеду туда».

Всё рухнуло тихо, без предупреждения. Контракт, над которым я работала, рассыпался за две недели до подписания – из-за внешнего комплаенс-аудита. В безупречно выстроенной структуре клиента нашли «скелет»: старый пассивный офшор. Пять лет назад его переписали на дальнего родственника – обычная схема, никто и не думал, что это когда-нибудь всплывёт. А родственник, действуя по привычному шаблону, недавно заключил сделку с фирмой, косвенно связанной с подсанкционным брокером. Информация попала в отчёт и для компании, которую я представляла, любая связь с этим именем означала крах.

Просто нить. Один незаметный узел, который нельзя было распутать – можно было только перерезать.

Мой начальник – человек, считавший эмоции дефектом конструкции, – позвал меня в кабинет.

– Ищеева, – произнёс он, не глядя на меня. Взгляд был устремлён в окно, где дождь по-прежнему стоял стеной. – Это провал. Ты знаешь, что делать.

Я знала. Нужно было сочинить пресс-релиз, где чужой подсанкционный след подавался бы как «независимый внешний фактор, не связанный с должной осмотрительностью». Нужно было обзвонить журналистов, объяснить ситуацию, улыбнуться, пообещать, что мы вышли из перегово-

воров сами, превентивно, из-за «расхождения в этических стандартах». Нужно было тушить пожар, в котором ни один огнетушитель не был моим.

Но я посмотрела на него и вдруг поняла: я не могу. Не потому, что не умею – а потому что не хочу. Внутри что-то щёлкнуло. Не громко, не драматично – просто щёлкнуло, как перегоревшая лампочка.

– Нет, – сказала я.

Он обернулся:

– Что «нет»?

– Я не буду это писать. И не буду звонить.

– Ты уволена, – ответил он спокойно. Без гнева, без удивления – просто констатация факта.

– Знаю, – ответила я.

Я вышла из кабинета, взяла сумку с ноутбуком, блокнотом и ручкой – и покинула здание. Дождь хлестал в лицо, холодный и равнодушный. Я стояла на тротуаре, смотрела на поток машин, на людей с зонтами, на серое небо, и впервые за три года мне не было страшно. Было легко, будто с плеч сняли мешок с камнями.

Но свобода – штука коварная. Она не приходит сразу. Сначала появляется растерянность.

Я пошла вперёд, не зная куда, просто позволяя ногам выбирать направление. Москва встречала меня привычным гулом, но сегодня он казался чужим, далёким, словно я слышала его через толстое стекло. Люди спешили, толкались, руга-

лись в телефоны, прятались под зонты. Они жили своей жизнью – важной, срочной, наполненной смыслом. А я выпала из этого ритма. Выпала, как зуб из десны: больно, странно – но освобождающе.

В голове крутились обрывки мыслей: «Надо найти новую работу», «Надо заплатить за квартиру». Голос разума – тот самый внутренний пиарщик – пытался взять ситуацию под контроль: составить план действий, расписать риски. Но голос был тихим, глухим. Он больше не командовал – лишь констатировал факты.

Свернув в маленький скверик, затерянный между высотками, я оказалась в тишине. Дождь барабанил по листьям клёнов, создавая уютный, изолирующий шум. На скамейке сидела старушка и кормила голубей. Птицы – жирные и наглые – клевали крошки, не обращая на неё внимания. А старушка улыбалась – беззубой, доброй улыбкой.

Я села рядом – не потому, что хотела общаться, а потому что ноги больше не держали.

Смотрела на голубей: на серые перья, красные лапки, на то, как они важно расхаживают по мокрому асфальту. И вдруг меня осенило – не громко, не эффектно, а тихо, как капля воды, падающая в тишине:

«Я не хочу обратно».

Не хочу в офис. Не хочу в ту квартиру. Не хочу объяснять, почему смеюсь слишком громко или почему читаю книги по ночам. Не хочу быть «стабильной». Не хочу быть «удобной».

Я хочу туда – где море, тишина и дом с синей дверью. Тот самый дом, который я даже не видела вживую, но который два года хранился в моём телефоне как запасной выход, как кнопка «аварийное спасение».

Рука сама потянулась к карману. Телефон был холодным, влажным. Я разблокировала экран, нашла контакт: «Риелтор. Дом у моря».

Палец завис над кнопкой вызова. Сердце билось ровно, спокойно. Тревога – та самая, что сидела в груди незваным гостем, который уже нашёл твой чай и сидит, поджав ноги, – молчала. Затаилась, прислушиваясь.

Я нажала «вызов».

Гудки шли долго: три, четыре, пять. Я уже хотела сбросить, решить, что это ошибка, вернуться, извиниться, написать тот чёртов пресс-релиз...

– Алло? – голос на том конце был сонным, хриплым.

– Здравствуйте, – сказала я. – Это Арина Ищеева. Два года назад я спрашивала про дом с синей дверью. Он ещё продаётся?

Пауза. Шуршание бумаги. Вздох.

– Дом? А, да. Помню. Ещё продаётся. Никто не берёт. Сыро там, говорят. И репутация у него плохая.

– Я беру, – сказала я.

– Что?

– Я беру дом. Сколько он стоит?

Риелтор назвал сумму. Она оказалась смешной. Не пото-

му, что дом был плох, а потому, что его слишком долго не могли продать. Идеальная цена для тех, кто не ищет идеальный дом. А я и не искала идеальный дом.

Первый взнос. Мои накопления – те, что пережили незакрытый квартал, неполученный бонус и отменённый контракт, – легли на стол целиком. Больше не нужно было копить на «когда-нибудь». Остальное раскидывалось на годы вперёд – маленькими, почти неощутимыми платежами в рассрочку.

Они оказались меньше, чем аренда московской квартиры. Той самой, где я три года переплачивала за чужую стену, центральное отопление и иллюзию, что я всё ещё в игре. Теперь каждый месяц выходило дешевле. Море в двух шагах, чайки на крыше, никто не звонит с вопросом «где пресс-релиз». И дом, которого никто не хотел, – теперь мой.

Подготовка к переезду растянулась почти на две недели.

Оказалось, что вся жизнь, которую я выстраивала пятнадцать лет, умещается в шесть коробок. Две – с одеждой, одна – с книгами, три – с посудой и всякими мелочами. Остальное отправилось в мусор – в чёрные пакеты, плотные, словно мешки для трупов из детективов. Вещи я отправила курьерской службой: заказала через приложение дешёвого курьера с отзывами «норм, но опаздывает». Он приехал спустя три часа, молча забрал коробки из прихожей и так же молча заполнил накладную. Пункт назначения – склад временного хранения в приморском городке. Я оплатила услугу онлайн

– и всё: коробки уехали раньше меня.

Но эти две недели были заняты не вещами. Они были заняты документами.

Каждое утро я усаживалась на кухне с ноутбуком, сканером, подписями и заверениями. Дом в рассрочку просто так не продадут. Нужно было подтвердить доход, которого больше не существовало. Объяснить банку, откуда взялся первый взнос. Переписываться с риелтором, юристом, страховой и нотариусом. Я отправляла бумаги, подписывала, перезванивала, доказывала, что я существую и не исчезну завтра. Это было унижительно, и в то же время единственное, что удерживало меня в реальности.

Перед отъездом я опустила на пол посреди опустевшей квартиры. Эхо моих шагов звучало гулко и одиноко. Стены, освобождённые от картин и полок, казались голыми и растерянными, будто тоже привыкли ко мне. Привыкли к моему присутствию, запаху, шуму.

Я достала из кармана ключи и положила их на подоконник – рядом с чашкой, в которой давно высох кофе.

– Прощай, – сказала я квартире.

Она не ответила. Просто стояла, пустая и тихая, и ждала новых хозяев – тех, кто будет смеяться громче или тише. Кому какое дело...

Я подхватила сумку с документами и билетом, вышла в коридор и закрыла дверь. Щёлчок замка прозвучал как финальная точка в предложении, которое я писала слишком

долго.

На улице дождь уже прекратился. Небо прояснилось, приобретя бледно-голубой, почти белый оттенок. Воздух пах мокрым асфальтом и озоном. Я вдохнула полной грудью – лёгкие расширились, принимая этот новый, холодный воздух.

Такси подъехало быстро. Водитель – мужчина лет сорока с добрым лицом – помог мне загрузить коробки в багажник.

– Далеко едете? – спросил он, захлопывая крышку.

– На вокзал, – ответила я.

– Отпуск?

– Можно и так сказать, – улыбнулась я. Улыбка вышла настоящей – не той профессиональной, которой я встречала клиентов, а простой, человеческой.

В машине играло радио: звучала какая-то старая песня про дорогу и ветер. Я смотрела в окно. Москва проплывала мимо – серая, мокрая, огромная. Здания, люди, машины – всё это когда-то было частью моей жизни, но больше не являлось её центром. Центр сместился – туда, где шумит море и ждёт дом с синей дверью.

Вокзал встретил толчеей. Люди спешили, толкались, кричали в телефоны. Запах кофе из автомата смешивался с ароматами дешёвых духов и пыли. Но меня это уже не касалось. Билет был куплен заранее – через сайт: купе, нижняя полка.

Я сразу направилась на посадку – мимо очередей у автоматов, мимо растерянных пассажиров с билетами в руках –

туда, где воздух уже пах далью. Мне не нужно было ничего решать на вокзале: всё было продумано заранее – дата, вагон, полка. Даже чай в подстаканнике. Главное – поезд шёл на юг.

Состав оказался старым. Вагон пах железом, чаем и чужими жизнями. Я отыскала своё место в купе, положила сумку под сиденье и села.

За окном начинало темнеть. Огни города загорались один за другим – словно глаза огромного зверя, просыпающегося ночью. Поезд дёрнулся – медленно, неохотно – и пополз вперёд. Сначала неторопливо, потом всё быстрее. Ритм колёс вошёл в голову, вытесняя лишние мысли: стук-стук, стук-стук...

Я закрыла глаза.

Тревога, которая гнездилась в груди три года, шевельнулась. Она попыталась зацепиться за привычные вопросы: «А что дальше?», «А деньги?», «А что скажут люди?». Но крючков не оказалось – я отрезала их вместе с прошлой жизнью.

Тревога замерла, а затем медленно, неохотно отступила. Она не исчезла совсем – просто забилась в угол, поджала лапы и стала наблюдать.

Я открыла глаза. За окном мелькали огни пригородов, затем поля, потом лес. Темнота была густой, непроглядной. В отражении стекла я увидела своё лицо – усталое, но спокойное.

Достала телефон. На экране висело сообщение от Глеба – пришло час назад: «Привет. Как дела?»

Я посмотрела на него. Раньше я бы тут же ответила: начала бы объяснять, оправдываться, доказывать, что у меня всё хорошо, что я справляюсь, что я сильная.

Сейчас я просто смахнула уведомление. Экран погас.

Я не знала, что ждёт меня впереди: дом с синей дверью, рыжий кот и женщина, которая так и не решилась сделать выбор. Не знала, что меня ожидают сны с запахом масляной краски, библиотекарь с перьевой ручкой и председатель уличного комитета с блокнотом жалоб.

Я знала лишь одно: я еду. И это уже был выбор.

Глава 2. Дом с видом на невозможное

Поезд пришёл рано утром – солнце ещё только примерялось к горизонту, нерешительно перебирая лучами, словно пианист клавишами перед концертом. Я вышла на перрон, и воздух тут же ударил в лицо: солёный, влажный, с запахом водорослей, йода и чего-то древнего, что бывает только у моря. После московской затхлости, после выхлопов и дешёвого кофе из автоматов это походило на глоток ледяной воды, когда совсем не ждёшь: резко, отрезвляюще, до боли в лёгких.

Городок спал, но не тревожным сном столицы, где даже ночью кто-то куда-то бежит, а глубоким, спокойным сном существа, которое точно знает: его никто не разбудит. В небе орали чайки, будто обсуждали моё появление, чемоданы и то, как нелепо я выгляжу в кашемировом шарфе при такой погоде. Крики у них были хриплые, требовательные, без всякой романтики. И это сразу понравилось: никаких иллюзий, только жизнь.

Я забрала коробки из камеры хранения: их привезли на день раньше, и они стояли, сложенные в пирамиду, – прямо как маленькая крепость.

Такси приехало быстро. Из машины выскочил молодой

парень в чистой футболке и кедах, с открытым, чуть веснушчатым лицом. Он улыбнулся и без лишних слов принялся грузить коробки в багажник. Машина оказалась не новой, но ухоженной: серый седан, внутри пахло кофе и дешёвым освежителем воздуха. Тот, впрочем, почти не перебивал запах моря – он пробивался даже через закрытые окна.

– На Морскую, – сказала я, называя адрес, который за две недели бюрократических мытарств выучила наизусть.

Парень кивнул. В зеркале заднего вида я видела его сосредоточенное лицо: он прокладывал маршрут, поправлял зеркала, проверял, пристёгнута ли я. Без лишних вопросов – просто вежливая профессиональная дистанция.

– А, к синему дому, – произнёс он, вырубивая со стоянки. В голосе не было усмешки, скорее лёгкое любопытство. – Давно там никто не жил, говорят. Но вы не бойтесь: Нина Петровна из соседнего дома говорила, что дом крепкий. Просто ждал своего человека.

– Нина Петровна? – переспросила я. Имя прозвучало как местная легенда.

– Она у нас всё про всех знает, – улыбнулся он в зеркало. – Но вы не переживайте, дом хороший. Я сам там маленьким бегал, соседский забор красил. Дом запомнил это.

Я смотрела в окно, слушала его спокойный, чуть говорливый голос и думала: «Крепкий. Ждал своего человека». Может, не только Нина Петровна так говорила. Может, дом сам – через неё – это передал.

– Вот, – сказал таксист, тормозя у высокого забора, заросшего плющом.

Дом стоял передо мной.

На той самой смазанной фотографии двухлетней давности он выглядел грустным, почти заброшенным: тень от дерева падала на фасад так, что дом казался хмурым. Вживую всё оказалось иначе – он был живым.

Кирпич выгорел до тёплого песочного оттенка – такого, каким пахнет лето в детстве: раскалённый песок на пляже, сухая трава, нагретые камни. Синяя дверь выделялась, яркая, будто кусочек неба, который кто-то небрежно вырезал ножницами и вставил в стену. Она бросалась в глаза на фоне общей приглушённой гаммы – дерзкая и одновременно приветливая.

Палисадник зарос сиренью: кусты лезли во все стороны, ветки переплетались, образуя непроходимую зелёную стену, но они цвели. Даже без ухода, даже заброшенные, выпускали белые и лиловые гроздья, источая сладкий, дурманящий запах.

Веранда кренилась вправо. Стёкла в старых рамах были пыльными, местами мутными от времени, но целыми. Крыльцо скрипнуло, когда я сделала шаг, и этот звук оказался таким домашним, таким ожидаемым, что захотелось улыбнуться. Дом выглядел так, будто вот-вот рухнет, но держался из принципа, из упрямства, из желания остаться.

Таксист помог выгрузить коробки, поставил их на крыль-

цо, кивнул на прощание и уехал. Я осталась одна – на улице, в тишине, под щебет птиц.

Ключ лежал в кармане пальто. Я достала его, ощутив вес этого простого предмета, вставила в замочную скважину. Замок щёлкнул неохотно, как старик, которого разбудили ни свет ни заря и который ещё не решил, хочет ли открывать дверь или лучше притвориться, что его нет дома.

Дверь поддалась. Я толкнула её плечом – она была тяжёлой, дубовой, настоящей – и вошла.

Внутри пахло историей, но не сухой, музейной, где пахнет пылью, формальдегидом и запретом трогать руками, а живой. Старой краской, пузырящейся на подоконниках тонкими плёнками. Морской солью, вьёвшейся в стены за десятилетия ветров и штормов. И чем-то сладким, едва уловимым, как воспоминание о сне, – словно бабушка перекладывала бельё в комод лепестками роз. Запах времени. Запах жизни, которая была здесь до меня, – чужой жизни, оставившей след в воздухе, в дереве, в свете.

Я стояла в прихожей, не решаясь шагнуть дальше. Пол был тёмным, дощатым, покрытым слоем пыли, но сквозь неё проступал рисунок годовых колец. Свет из окон – мутный, утренний – пронизывали танцующие пылинки: они кружились в лучах, как маленькие планеты в собственной галактике.

Везде была тишина, но не вакуумная, не давящая, как в пустой квартире новостройки, где каждый звук отдаётся

эхом от голых стен. Эта тишина ждала. Прислушивалась ко мне.

Я сделала шаг. Половица тихо вздохнула под ногой – не жалобно, а вопросительно: «Ну что, пришла?»

Прошла вперёд, в большую комнату первого этажа. Окна выходили в палисадник, и сквозь грязное стекло пробивался зелёный рассеянный свет. Стены были выкрашены в бледно-жёлтый цвет когда-то давно, краска кое-где вздулась пузырями – они напоминали карты неизведанных земель. В углу стояла старая чугунная вешалка – монументальная, тяжёлая, с крючками, загнутыми в виде лебединых шей. Я потом попробую её сдвинуть – и не сдвину. Она стала частью дома, как зуб, который нельзя вырвать, не повредив челюсть.

Полы здесь были ровнее, чем в прихожей, но одна половица в дальнем углу у окна отзывалась особым, низким звуком, когда я на неё наступала, – будто вздыхала.

Я сделала круг, прислушиваясь к себе и к дому.

Первый этаж – под будущее кафе, я уже это знала. Идея не свалилась как озарение, не вспыхнула молнией в ясном небе. Она медленно всплыла из глубины сознания – как то, что всегда было правдой, просто я боялась это признать. Четыре столика. Витрина с выпечкой. Чай, кофе, тишина. Место, где можно быть собой.

На втором этаже я буду жить.

Я поднялась по лестнице. Ступени скрипели каждая по-своему: вторая – высоко и пронзительно, четвёртая – глухо,

басом, седьмая – молчала. Я запомнила эту мелодию.

Второй этаж встретил меня прохладой. Сначала – маленькая спальня с низким потолком, от которого веяло запахом старого дерева и сушёных трав. Потом – ещё одна комната: тесная, с единственным окном, выходящим на крышу соседнего дома.

В спальне, напротив кровати, на стене висел след от картины – квадрат более тёмной штукатурки, чёткий и ровный. Кто-то снял её давно, лет десять или даже двадцать назад, но стена помнила. Хранила этот след, как шрам или татуировку.

Я подошла ближе и провела рукой по шершавой поверхности. Холодно.

Кто-то жил здесь. Кто-то смотрел на это место каждый день, просыпаясь. Кто-то, возможно, плакал здесь по ночам, или смеялся, или просто лежал, глядя в потолок и думая о вечном.

Почему-то я решила не закрашивать этот квадрат. Не стала шпаклевать, не стала выравнивать. Пусть будет. Как напоминание. Как арт-объект. Как доказательство того, что я не первая и не последняя. Что жизнь здесь текла рекой, а я – лишь очередная капля в этом потоке.

Я не знала, кто жил здесь до меня. Но я чувствовала дом. Как он дышит – медленно, с лёгким присвистом, словно старые лёгкие курильщика. Как скрипят половицы не только от моего веса, а потому, что им просто нравится скрипеть, общаться друг с другом на своём, деревянном языке.

Как свет ложится на стены – по-разному в разное время дня, будто дом примеряет освещение, как платье: утром – холодное, голубое; днём – яркое, золотое; вечером – тёплое, янтарное.

Я села на подоконник в спальне. Дерево было гладким, отполированным временем. Солнце поднялось выше, золотило пыль, превращая её в сияющий туман.

Когда я собиралась переезжать, я поняла: я умею печь.

Это было единственное, что у меня получалось без инструкций, согласований и одобрения начальника. Без таблиц Excel и пресс-релизов. Тесто чувствовало мои руки. Оно не спорило, не требовало отчётов, не уходило к «более стабильным». Мука, масло, сахар, яйца – простые вещи, которые складывались в чудо каждый раз, когда я открывала духовку.

В Москве я пекла редко. Некогда. Несерьёзно. Хобби для редких выходных, когда удавалось выкроить час между встречами. Но здесь, в этом доме, среди запаха старой краски и морской соли, я вдруг подумала: а почему нет?

Пироги с горбушей. Улитки с корицей. Круассаны, которые должны быть хрустящими снаружи и мягкими внутри. Это будет моим языком. Моим способом говорить с миром – не словами, которые можно исказить, а вкусом, который нельзя подделать.

Первые дни в доме были похожи на знакомство с новым, сложным, но интересным человеком. Ты прислушиваешься, присматриваешься, учишься понимать его привычки, его

ритм, его границы.

Дом оказался говорливым.

Утром он вздыхал – глубоко, с хрипотцой, просыпаясь после ночи. Звук шёл откуда-то из фундамента, из самых глубин, и распространялся по всем этажам, будя меня мягче любого будильника. Днём дом молчал, но необходимо – просто отдыхал, грелся на солнце, позволял пыли оседать на полках. Вечером начинал перешёптываться: скрип половиц, стук остывающих труб, шелест листьев сирени за окном, которые царапали стекло, словно кошки, просящиеся внутрь.

Я научилась различать эти звуки. Скрип у входной двери означал, что ветер усилился. Стук на кухне – что вода в трубах меняет давление. Тихий, почти кошачий шорох в стенах – что дерево дышит, расширяясь и сжимаясь от перепадов температуры.

Сначала я мыла полы со злостью, с агрессивным желанием вычистить чужую жизнь, стереть следы прошлого, сделать пространство стерильным, своим. Потом начала мыть осторожнее, с уважением. Грязь уходила, открывая тёплый, медовый цвет древесины. А запахи оставались – не въевшиеся, нет, другие. Дом пах морем, старым деревом и почему-то шоколадом, хотя я ещё ничего не пекла и никаких сладостей в доме не было. Этот запах появлялся внезапно, на пару секунд, и исчезал, оставляя после себя лёгкое недоумение и странное чувство голода.

Я отскребла стены на кухне, побелила потолок, стоя на

шатком стуле и ругаясь шёпотом, когда известь попадала в глаза. Выбросила старые шторы – жёлтые, с выцветшими цветами, пахнувшие нафталином и печалью, и повесила лён: светлый, почти белый, купленный в соседнем городе. Сразу стало просторнее – свет лился свободно, не встречая преград.

Витрину для выпечки я заказала в соседнем городке у мастера, который делал мебель на заказ. Её привезли через неделю – стеклянную, с деревянными полками, простую и элегантную. Я поставила её у стены в бывшей гостиной и долго смотрела на неё, пока пустую. Но скоро там будут улитки с корицей, круассаны с шоколадом, пироги с горбушей. Скоро здесь начнётся жизнь.

Столики – четыре, из светлого дерева – я купила в местном филиале ИКЕА, который чудом уцелел в этом маленьком городе. Простые, без претензий, с чуть шершавыми столешницами, которых приятно касаться ладонью. Стулья – такие же. Я собирала их сама, под вечер, сидя на полу кухни, с чашкой чая и инструкцией, где стрелки никуда не вели, а человечки выглядели так, будто смеются над моей неуклюжестью.

В углу гостиной я оставила кресло – старое, продавленное, с обивкой цвета увядшей розы. Оно уже стояло в доме, когда я въехала, – прикрытое пыльным чехлом. Сначала я хотела его выкинуть: оно занимало место, диссонировало с новой обстановкой, выглядело чужеродным элементом. Но

однажды вечером, устав после уборки, я села в него и вдруг поняла: оно идеально. Оно оказалось удивительно удобным – таким, в которое садишься и сразу понимаешь: вставать уже не надо. Кресло обнимало, поддерживало спину, принимало вес тела. Я накрыла его серым, вязаным пледом, и оно наконец заняло своё место. Стало центром комнаты. Точкой отсчёта.

Ночью дом жил своей жизнью.

Я лежала в спальне, укрывшись двумя одеялами: в доме было прохладно, отопление ещё не включили, а майские ночи у моря бывают холодными. Я просто слушала.

Половицы вздыхали. Где-то в стене что-то тихо щёлкало – будто перебирало костяшки счётов. Трубы гудели низко, убаюкивающе, словно большой кот. Ветер за окном шевелил сирень, и ветки царапали стекло – настойчиво, ритмично.

Тишина не была пустой. Она была населённой – не людьми, а памятью. Дом помнил чужие шаги, чужой смех, чужие слёзы. Я чувствовала это кожей – не страшно, а торжественно. Как будто меня впустили в комнату, где хранятся вещи, которых уже нет, но которые когда-то были чьими-то самыми любимыми.

Под этот шёпот я и уснула.

Сон приснился странный, обрывочный.

Чьи-то руки – женские, тонкие, с длинными пальцами. Они были испачканы краской: синей, охрой, белилами. Краска густая, маслянистая, блестела на коже, словно вторая

кожа.

Закат за окном – такой яркий, что больно глазам: оранжевый, багровый, горящий. Свет заливал комнату, превращая пыль в золотую взвесь.

И звук шагов по скрипучей половице – той самой, что в спальне у двери: скрип... шаг... скрип... шаг... Кто-то ходил по комнате – тяжело, устало.

Я проснулась оттого, что кто-то вышел из комнаты – резко, словно меня вытолкнули из сна.

Сердце билось ровно, спокойно, но в груди было странно: будто что-то сдвинулось, сместилось с места, как плохо прибитая полка.

Комната погрузилась в полумрак. Луна светила в окно, рисуя на полу бледный прямоугольник. Дверь была закрыта. Окно – тоже, заперто на шпингалет.

Но в воздухе висел запах – едва уловимый, химический, резковатый. Запах масляной краски, скипидара, льняного масла. Он смешивался с морским – тот проникал сквозь щели в рамах. Получалось странное, тревожное сочетание.

Я села на кровати, натянув одеяло до подбородка. Холодные пальцы ног коснулись пола.

– Тут есть кто? – тихо спросила я. Голос прозвучал хрипло, неуверенно.

Дом молчал. Но не так, как раньше – не спокойно, не ожидая. Он молчал так, будто обдумывал ответ. Или скрывал его.

Я прислушалась. Тишина звенела в ушах: ни скрипа, ни вздоха, ни шороха – только собственное дыхание.

Я не стала включать свет. Боялась увидеть то, чего нет. Или не увидеть того, что есть.

Легла обратно, закрыла глаза.

«Просто адаптация, – сказала я себе. – Мозг перегружен новой информацией: новые запахи, новые звуки. Он рисует картинки, чтобы заполнить пустоту».

Но запах краски остался. Он не выветривался – стал частью ночи.

Я уснула быстро, тяжело, и больше той ночью мне ничего не снилось. Только чёрная, густая темнота.

Я ещё не знала, что сто лет назад в этом доме жила женщина по имени Лина – художница. Женщина, которая так и не решилась выбрать между двумя мужчинами, между искусством и любовью, между собой и ожиданиями других.

И не знала, что дом помнит её до сих пор. Что память здесь была не призрачной, не голливудской – с прозрачными фигурами и цепями. Она была физической, материальной: как скрип половицы, повторяющий ритм чужих шагов; как сквозняк, появляющийся даже при закрытых окнах и приносящий запах чужих духов; как след от картины на стене, который я отказалась закрасивать.

И не знала, что наутро, когда открою дверь, чтобы вынести мусор, на крыльце будет сидеть кот – рыжий, крупный, с янтарными глазами. Он будет смотреть на меня не как на

хозяйку, а как на долгожданную гостью. Кот, который скажет мне имя.

Но это будет завтра.

Глава 3. Кот, который знал имя

Утро выдалось удивительно тихим. Настолько тихим, что я отчётливо слышала, как море словно вздыхает во сне – глубоко, чуть с присвистом, будто раздумывает, а стоит ли сегодня просыпаться? Чайки пока не подняли привычный гвалт – лишь где-то вдалеке, за крышами домов, одна подала голос и тут же умолкла, словно передумала нарушать эту тишину. Может, решила, что кричать в такой момент просто неуместно.

Я сидела на ступеньках веранды, поплотнее кутаясь в кашемировый шарф. Этот шарф стал для меня чем-то вроде панциря, мягкой брони от мира, который порой оказывается чересчур громким и требовательным. Рядом на деревянном подносе стояла турка – я привезла её с собой из Москвы. Кофе получился слишком крепким – горьким, обжигающим язык. И я любила эту боль: она напоминала, что нервные окончания ещё работают, что я жива, что я чувствую.

Дом за моей спиной молчал, не обиженно и не тревожно, а просто отдыхал после ночи. Мы с ним постепенно начинали понимать друг друга – как старые соседи, которые здороваются кивком, но не лезут в душу. Я уже знала: половица у двери скрипнет, даже если просто пройти рядом – то ли воздух там плотнее, то ли дерево реагирует на вибрацию шагов.

А дом, в свою очередь, знал, что я не стану включать громкую музыку и не закрасшу след от картины на стене. У нас было своего рода перемирие, договор о ненападении.

Солнце медленно поднималось из-за крыш соседних домов и золотило верхушки деревьев в палисаднике. Свет получился мягким, рассеянным – без той агрессивной яркости, что бывает в полдень. Я сделала последний глоток: на языке остался горький осадок – неприятный, но честный, и в этот момент я его увидела.

На нижней ступеньке, что вела в палисадник, сидел кот. Он оказался крупным – очень крупным. Рыжий, килограммов восемь весом, если не больше. Шерсть густая и на вид такая тёплая, с более светлой, почти белой грудкой и такими же «носочками» на передних лапах. Левое ухо было рваным – старый шрам, который придавал морде вид бывшего бандита, завсегдатая всех уличных драк. Но это впечатление тут же разбивалось о его манеру сидеть: прямо, с достоинством, аккуратно сложив лапы перед собой, а хвост обернул вокруг них – прямо как у египетской статуэтки Бастет.

Глаза у кота были янтарные, с вертикальными зрачками, которые сейчас сузились в тонкие полоски, оценивающе разглядывая меня.

Он смотрел на меня – не отрываясь, не моргая. Без страха, но и без излишней фамильярности.

Я замерла с пустой чашкой в руке. Вчера он лишь мельк-

нул в палисаднике – рыжее пятно среди зелени – и исчез, стоило мне моргнуть. Сегодня он сидел здесь. Ждал? Или просто оказался в нужном месте в нужное время? Но в его позе, в этой абсолютной неподвижности было что-то такое, отчего по спине побежали мелкие мурашки. Не страх – скорее, какое-то странное узнавание, будто мы уже встречались когда-то: в другой жизни, в другом сне.

– Привет, – хрипло произнесла я. Голос после ночного молчания звучал чужеродно, словно принадлежал кому-то другому.

Кот не шелохнулся. Он смотрел так, будто ждал именно меня – не просто очередную хозяйку, которая будет кормить его консервами и гладить против шерсти, а именно меня, Арину: ту, что приехала сюда спрятаться, ту, что словно исчерпала себя.

Я сделала шаг вперёд. Кот не отодвинулся, лишь проводил меня взглядом: спокойным, чуть снисходительным, как взрослый смотрит на ребёнка, который наконец догадался, куда идти. И вдруг мяукнул.

Это было не обычное «мяу» – ни жалобное «дай еды», ни приветственное «мур». В звуке чувствовалась чёткая, понятная интонация: «Ну наконец-то. Мы тебя ждали».

Я усмехнулась – усталой, сухой усмешкой, которая в последние месяцы редко появлялась на моём лице.

– Отлично, – пробормотала я себе под нос. – Теперь у меня есть дом с видом на море, кот-экстрасенс и никакой лич-

ной жизни. Полный набор для героини плохого романа. Чего не хватает? Призрака в чулане?

Кот медленно, с чувством собственного достоинства, моргнул. Встал, потянулся – так, что хрустнуло в позвоночнике, демонстрируя гибкость, недоступную человеку, – и прошёл мимо меня в дом. Прямо как хозяин, который вернулся с короткой прогулки и проверяет, всё ли на месте: не украли ли его кресло и не закончился ли кофе.

Я смотрела ему вслед. Рыжий хвост с тёмными кольцами мелькнул в прихожей и исчез в полумраке гостиной.

– Ну ладно, – сказала я в пустоту. – Будешь Мурр.

Имя хорошо легло на язык, как кусочек мягкого масла на горячий тост: короткое, тёплое, с лёгким урчанием в середине. Звучало уютно, по-домашнему. Кот не возразил, по крайней мере, не обернулся и не посмотрел на меня с тем презрением, которым кошки нередко одаривают людей, пытающихся их назвать. Я сочла это согласием. Или равнодушием – с котами сложно понять грань.

Первые дни Мурр вёл себя как человек, который снял квартиру с полным пакетом услуг и намерен пользоваться всем по максимуму, не нарушая правил. Он не мешал, не путался под ногами, когда я таскала коробки или мыла полы, но при этом присутствовал везде. Его присутствие ощущалось физически.

Захожу в спальню – Мурр уже сидит на подоконнике и умывается лапой с такой сосредоточенностью, будто совер-

шает какой-то сложный ритуал. Спускаюсь на первый этаж, чтобы расставить столики для будущего кафе, – Мурр лежит в том самом старом кресле, которое я так и не выкинула, и наблюдает за мной сквозь полуприкрытые веки. Его янтарные глаза следят за каждым моим движением. Его присутствие тяжёлое и в то же время успокаивающее – как одеяло, как якорь.

Ел он то, что я давала: не привередничал, но и не набрасывался на еду с жадностью беспризорника. От рыбы, например, отворачивался с лёгким, почти демонстративным презрением. Я запомнила урок и больше не предлагала ему горбушу, хотя сама её обожала. Зато с удовольствием ел творог и, что особенно странно, сухой корм для кошек, который я купила в местном супермаркете, посмеиваясь над собой и над попыткой быть «правильной хозяйкой».

– Ты какой-то неправильный кот, – сказала я ему на третий день. Мурр сидел на кухонном столе – как раз там, где я планировала разделявать тесто, и смотрел на меня так, будто хотел сказать: «Это ты неправильная, а я идеален. Прими это».

Я не стала спорить. Спорить с котом, который смотрит на тебя, как судья Верховного суда, – это уже полное безумие. А я и так была на грани.

Но ночи оказались совсем другими.

На третью ночь мне приснился сон – не сюжетный, не кинематографичный, без завязки и развязки, а просто на-

бор ощущений, фрагментов: чьи-то руки – женские, тонкие, с длинными пальцами, испачканные масляной краской: синей, охрой, белилами; краска густая, вязкая, блестит на коже, как вторая кожа, как защитный панцирь; закат в окне – настолько яркий, что больно глазам: оранжевый, багровый, горящий; свет заливает комнату, превращая пыль в золотую взвесь, где танцуют невидимые балерины; звук шагов по скрипучей половице – той самой, третьей от двери в моей спальне: скрип... шаг... скрип... шаг... ритмичный, уставший. Кто-то ходит по комнате тяжело, без цели – просто не может стоять на месте.

Проснулась я с ощущением, что кто-то только что вышел из комнаты. Дверь была закрыта, окно тоже – заперто на шпингалет. В воздухе висел лёгкий химический сладковатый запах краски, смешиваясь с запахом моря, проникавшим сквозь щели в рамах.

– Мурр? – тихо позвала я.

Кот спал на подоконнике – свернулся в идеальный рыжий клубок, дышал ровно, живот поднимался и опускался в такт моему дыханию. Я несколько минут смотрела на него, пытаюсь уловить хоть намёк на то, что он знает больше, чем показывает. Но он был просто котом – спящим, довольным, тёплым.

Я легла обратно и закрыла глаза.

Сны повторялись. Каждую ночь я видела фрагменты чужой жизни: женщину у окна, которая не могла решиться

выйти. У неё не было лица – только силуэт, руки, поза ожидания. Она не говорила, просто стояла и смотрела на закат, на море, на дорогу, которой не существовало.

Я списывала это на стресс, на смену обстановки, на попытку мозга переварить огромный объём новой информации.

Мурр слушал мои утренние монологи про «адаптацию» и «стресс». Не перебивал. Не мяукал. Но смотрел на меня так, будто знал больше. Будто видел то, чего не видела я. В его взгляде было терпение. И какая-то древняя, кошачья мудрость, которая не имеет ничего общего с человеческой логикой.

На одиннадцатый день случилось то, что перечеркнуло все рациональные объяснения. Все мои попытки списать происходящее на усталость, стресс или игру воображения рассыпались в прах.

Было поздно. За окном шёл дождь – не тот яростный ливень, что обрушивается стеной, смывая всё на своём пути, а мелкий, нудный дождь. Он барабанил по жестяному козырьку веранды, создавая ритмичный, усыпляющий шум: «кап-кап-кап». Как метроном. Как отсчёт времени, которого у меня было слишком много.

Я сидела на кухне первого этажа и разбирала старые вещи, найденные в чулане под лестницей. Чулан оказался маленьким, тёмным, пахнущим пылью и временем. Вещи были чужими, странными: пустые флаконы из-под духов с этикетками на французском; пожелтевшие открытки с видами

города, которого больше не существовало в прежнем виде – набережная изменилась, дома стали выше, деревья – меньше; стопка старых газет, датированных двадцатыми годами прошлого века. Бумага крошилась в руках, рассыпаясь серой пылью.

Мурр дремал на подоконнике, свернувшись клубком. Дождь отражался в стекле, размывая его рыжую шерсть, превращая кота в туманное пятно.

Я взяла в руки старую, потрёпанную книгу стихов. Переплёт был бархатным, истёртым до дыр, цвета запёкшейся крови. Корешок отклеился. Я открыла книгу наугад. Страницы шуршали – сухие и ломкие. Стихи были написаны от руки, карандашом, на полях. Почерк нервный, острый, с резкими росчерками. Слова неразборчивые, но интонация чувствовалась – тревога, тоска.

– Интересно, кто здесь жил до меня, – рассеянно произнесла я, скорее обращаясь к книге, чем к коту. Голос звучал тихо, почти шёпотом. – Ты бы знал, да? Если бы мог говорить. Если бы хотел.

Мурр открыл глаза.

Он не потянулся, лениво вытягивая лапы. Не зевнул, демонстрируя розовую пасть. Медленно, с кошачьей грацией, он спрыгнул с подоконника. Лапы ступили на пол бесшумно – но я услышала этот звук: тихий шлепок подушечек, влажных от конденсата.

Кот подошёл к столу и посмотрел на меня снизу вверх. Его

янтарные глаза в полумраке кухни, освещённой лишь одной тусклой лампочкой над раковиной, казались огромными. В них не было привычной кошачьей пустоты – только сосредоточенное, тяжёлое внимание.

И он мяукнул.

Это был не вопрос. Не требование еды. Не жалоба на холод. Низкий, горловой звук – глубокий, вибрирующий. В нём явно проступали слоги: два, чётких, разделённых паузой.

«Ли-на».

Я замерла. Чашка с чаем, которую я держала в руке, дрогнула. Горячая жидкость плеснулась на край, обожгла пальцы, но я не почувствовала боли.

Чайник на плите всхлипнул и затих, словно обиженный, что его забыли выключить. Тишина в кухне стала плотной, вязкой.

– Что? – шепнула я. Сердце ударило в рёбра – глухо и тяжело, как молот по наковальне.

Мурр повторил – чётче, с паузой между слогами, будто выдыхал имя с усилием, будто каждое слово давалось ему дорого:

«Ли-на».

Первой реакцией был не страх и не удивление, а раздражение. Глухое, липкое раздражение на собственную усталость.

«Галлюцинации, – подумала я. – Или слуховые иллюзии. Стресс, недосып, смена климата. Мозг цепляет случайный звук и интерпретирует его так, как хочет подсознание. Па-

рейдолия. То же самое, что видеть лица в облаках или слышать своё имя в шуме ветра».

Я зажмурилась и потёрла виски пальцами, чувствуя, как пульсирует венка на лбу.

– Мурр, – сказала я твёрдо, открывая глаза, – ты просто мяукнул. Это было «мяу» с призвуком «а». Ничего больше.

Кот смотрел на меня, не мигая. В его янтарных глазах не было ни кошачьей пустоты, ни игривости. Только терпение и какая-то древняя, тяжёлая серьёзность, которая совсем не вязалась с образом домашнего питомца, любящего творог.

Он снова издал звук – на этот раз тише, но отчётливее, будто проверял, поняла ли я:

«Ли-на».

Холодок пробежал по спине. Не мистический ужас, а холодное, ледяное осознание: реальность треснула. Тонкая плёнка привычного мира, натянутая поверх хаоса, лопнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.